

Л.В. Матвеева

ИЗ ИСТОРИИ ПАНГЕРМАНИЗМА И СТРЕМЛЕНИЙ НЕМЦЕВ НА ВОСТОК (1914–1916) (По работам В.П. Бузескула)

ВОЙНА, развязанная Германией, резко изменила жизнь творческой интеллигенции, заставила задуматься над происходящим, искать причины жестокости нравов в глубине истории. «Мировая война и последовавшие за ней события, – писал В. Бузескул, – не могли не отозваться неблагоприятно на ходе научной работы. Сократились ее размеры, уменьшился размах, замедлился несколько ее темп»¹. В письме В. Иконникову Владислав Петрович делился своими сложностями, возникшими в этот период: «... война, мировые события поглощают внимание, волнуют. Теперь не до Греции мне: с трудом заканчиваю печатание третьего издания моего полного “Введения в историю Греции”, как первого тома “Лекций по истории Греции”. До войны работа спорилась и печатание шло довольно быстро...»²

Но не только это волновало Владислава Петровича. Его труды военного лихолетья и последующего времени, посвященные вопросам истории Германии, открывают новые грани ученого в исторических исследованиях: историк своего времени, он пытался ответить на многие вопросы, связанные с причиной возникновения войны, неожиданно открывшей те черты современной Германии, о которых он не имел даже представления. Особенно его поразила современная идеология этой страны, и ученый стремился объяснить ее происхождение с исторической точки зрения. Он понимал, что причины мировой катастрофы крайне сложны, и как бы ни были виновны Вильгельм и его соратники, но германская идеология сыграла большую роль в этой катастрофе.

Как историк, В. Бузескул предполагал, что современная германская идеология возникла гораздо раньше Бисмарка и Трейчке – в первой половине XIX в., но зародыши ее ученый находил в XVIII в.

В. Бузескул начал изучать историографию Германии еще в 80-х годах XIX в.

Теперь же, в военное лихолетье, ученого интересовала не только новая историческая литература Германии, но он поставил перед собой также цель найти корни происхождения германской идеологии «бронированного кулака» в более ранней историографии.

Владислав Петрович вновь обращается к трудам историков Германии, и происходящие события, по словам ученого, «на многое открыли глаза». В том же письме профессору В. Иконникову он сообщал: «Я в истекшем семестре (1914) читал курс: “Историческая наука в XIX в.”. Пришлось вновь пересматривать историков истекшего века, и многое, что прежде не бросалось в глаза, мимо чего проходил, теперь получило новое освещение и представало в ином виде. Те черты современной Германии, которые многим показались столь неожиданными, – признание силы как чего-то высшего, все решающего момента, культ ее, культ “бронированного кулака”, попрание права, презрение к слабому, превознесение Германии и ее культуры, пренебрежение к другим нациям как “вырождающимся” или “низшим расам” – все это, оказывается, проявлялось и раньше – раньше даже Бисмарка, в 1866 и 1870 гг., – и особенно в области исторической науки в Германии...»³

В свое время академик В. Бартольд писал, что среди областей Азиатской Турции Малая Азия представляла интерес не только для ориенталистов, но и для исследователей классического мира. Ученый упоминает специалиста по классической филологии, немецкого археолога Людвигу Росса, посетившего Малую Азию в 1844 г. Впоследствии он издал подробное описание края в этнографическом и археологическом отношении. В. Бартольд подчеркивает, что, кроме научных задач, путешествие Росса имело еще и другую цель: «доказать, что в Малой Азии нашли

бы благодарное поприще для своей деятельности представители германской промышленности и другие эмигранты из Германии»⁴.

В. Бузескул, свидетель мировой войны, развязанной Германией, не мог пояснить происходящее простой эмиграцией «мирных» немцев в те края. Исследуя вопросы современной Германии, развития немецкой исторической науки, ученый находил в деятельности Людвига Росса истоки пангерманизма. «Мечты немцев не останавливались... на берегах... нижнего Дуная, на Балканском полуострове: некоторым из них уже тогда грезилась Месопотамия и Малая Азия», – писал Владислав Петрович. Историк отмечает, что еще в 1850 г. известный ученый, «мирный» археолог и знаток греческих надписей Людвиг Росс издал книгу под названием «Kleinasien und Deutschland. Reisebriefe und Aufsätze mit Bezugnahme auf die Möglichkeit Deutscher Niederlassungen in Kleinasien», в которой шла речь о возможности заселения Малой Азии немцами. Л. Росс заверял свое поколение и потомков, что Малая Азия от Синопа до Кипра предназначена немцам «и решение судеб исполнится!.. пришла очередь немцам господствовать!»⁵

В 1915 году, в письме В. Бузескула профессору В. Данилевичу, – та же тема: «Под влиянием переживаний мировой борьбы... мой интерес от Греции направился к современной Германии... Я вновь пересмотрел немецких историков и пришел к убеждению, что та идеология германцев... уже давно проявлялась у них еще до Бисмарка»⁶.

В ноябре 1914 года Владислав Петрович выступил с докладом в Историко-филологическом обществе и в 1915 году опубликовал в журнале «Русская мысль» статью под названием «Современная Германия и немецкая историческая наука в XIX в.»⁷. Позже, в 1923 г., появилась публикация «Из истории пангерманизма и стремлений немцев на Восток»⁸, в которой автор дает более углубленный анализ происхождения германской идеологии «крови и железа», рассматривая ее как результат предшествующего развития.

В упомянутом выступлении Владислав Петрович говорил: «Я не имею в виду давать общую, всестороннюю характеристику немецкой исторической науки XIX столе-

тия, – я желал лишь способствовать объяснению теперешней германской идеологии, так поразившей многих, и касаюсь только тех сторон и направлений немецкой историографии, которые имеют отношение к современным явлениям мировой борьбы»⁹. Это выступление и названная статья были первыми его работами, где ученый касался происхождения современной идеологии Германии, породившей те черты, которые поразили весь мир. В. Бузескул писал об этом так: «...Воочию мы увидели черты современной Германии, которые многим показались совершенно неожиданными: признание грубой силы, как чего-то высшего, как все решающего момента, ее культ, культ “бронированного кулака”, открытое до цинизма попирание права, презрение к слабому, самообожание, непомерное превознесение Германии и ее культуры, ради торжества которой дозволяется истребить остальные, чудовищную гордыню, пренебрежительное отношение к другим нациям, как “вырождающимся” или как “варварам”, как низшим расам, национализм и патриотизм, принявшие искаженные, уродливые формы. Со всех сторон раздаются изумленные голоса: неужели это Германия Гёте, Шиллера, Гердера, с его Humanität’ом, как целью исторического процесса? Что стало с добрыми немцами, сентиментальными и мечтательными?»¹⁰

В «Приложении» к названной статье В. Бузескул отмечал, что воззрения великих немецких писателей XVIII в. представляют собой яркий контраст новейшей германской идеологии. В этой связи ученый упоминает Гёте, которому принадлежат прекрасные слова: «Чистая человечность искупает все человеческие недостатки». Владислав Петрович приводит отдельные строки из поэтического произведения великого Гёте:

*Будь проклят тот, кого, как вал,
Гордыни буйство одолеет,
Кто, немцем будучи, затеет,
Что корсиканец затевал!
И вспомнит он, поздней иль ране,
Мои слова – поверит им;
Он обратит весь труд страданий
Во зло себе и всем своим!*¹¹.

Здесь очень ясно звучит идея всемирной человечности, предупреждение о неминуемой гибели от «буйства гордыни».

К человечности призывал и Шиллер: «Немцы! Не стремитесь образовать нацию, довольствуйтесь быть людьми!»

Однако следует сказать, что политическое раздробление Германии не помешало ей достичь высших ступеней культуры, что составляло «абсолютное благо».

В. Бузескула привлекала и философия Канта, мечтавшего о вечном мире, о международном союзе, где даже небольшие государства могли бы рассчитывать на безопасность. В эпоху революционных войн он отразил свои мечты в «философском проекте» о вечном мире – «Zum ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf» (1795 г.). Кант выдвигал идею человечества, общечеловеческие идеалы, ибо, по его мнению, пока государства будут растрачивать свои силы на насильственные завоевательные цели и тем самым задерживать внутреннее развитие страны, до тех пор нельзя ждать улучшения цивилизации и высокой морали.

В 50-х – 60-х годах XIX в. о чертах новейшей идеологии Германии писал А.И. Герцен. Он с тревогой наблюдал и выступал против возвышения немецкого элемента в Европе, видя в последнем угрозу всему лучшему, что выработала цивилизация.

Среди отечественных публицистов Владислав Петрович выделяет Н.К. Михайловского, писавшего в начале 1871 года по поводу франко-прусской войны и новой империи – Германии следующее: «Небывалая война потрясает Европу; из архивной пыли выкапывается германская императорская корона; почтенные немецкие ученые дуреют; Европа превращается в ежа со стальными щетинами...»¹²

Известный славист В.И. Ламанский, выступая в Императорском географическом обществе, предостерегал, что Пруссия будет действовать наступательно и направлять внимание преимущественно на восток... В предисловии к своей книге «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (1871) В. Ламанский предвидит возможность близкой наступательной войны Германской империи с Россией. В 1892 году он писал: «Все лучшие наши намерения и старания о внутреннем развитии России могут быть неожиданно прерваны; все ее существование может

подвергнуться страшным испытаниям и ударам. Нет никакого сомнения, сама Россия этого внешнего бедствия, войны с ее ужасами, никогда не вызовет...»¹³

Оценивая книгу Ламанского, Владислав Петрович подчеркивал, что в ней собран богатый, весьма любопытный и поучительный материал касательно презрительного отношения отдельных немецких ученых к славянам, представляющим, по их мнению, низшую расу, «самою природою, волею Провидения предназначенную для подчинения немцам»¹⁴.

В. Бузескул обращался к произведениям разных ученых, и с его подачи постепенно вырисовывалась картина отношения передовых деятелей науки к последствиям побед Германии 1870 года и, естественно, выводы по многим вопросам возникновения ее новой идеологии. Владислав Петрович называет интересный труд итальянца Франки – «Падение церковного государства и восстановление германской империи». В определении автора возникновения последней является самым дерзким и наглым отрицанием всех моральных и социальных начал. Франки считал Германскую империю «детищем войны», рожденным яростью войска, опьяненного своей силой и удачей, не признававшего другого закона, кроме жажды мести, вымогательства, хищений, грабежей, убийства.

Право силы автор называл «варварством», а основание империи, по его мнению, являлось величайшим бедствием для Германии и Европы, культуры и цивилизации. Франки писал, что «империя будет для Германии началом ее развращения, ибо от идеала науки она отвращает ее к идеалу силы, т.е. варварства». Герцен еще в 1868 г. говорил по поводу побед Пруссии как о «приближении ученых варваров».

Итальянский ученый считал, что Германии не стоит так восхищаться империей, видеть в ней гарантию своей безопасности, потому что с ее основанием наступит конец мира в стране. «Отныне и впредь, – утверждал автор, – в мире будет царить пушка и целью жизни станет искусство умножать и совершенствовать орудия смерти»¹⁵.

В. Бузескул стремился показать, что современная идеология складывалась в процессе развития Германии, в течение

многих лет, и ясно и рельефно проявлялась в исторической науке. Он писал, что зародыши ее видит в XVIII веке, веке космополитизма в Германии, когда на первом месте стояли индивидуализм, личность, человечество и человечность, «гуманитет». Ученый изучает работы немецких философов этого времени, пытаясь объяснить предпосылки перехода от космополитизма к крайнему национализму, и находит, что «в былом космополитизме немцев открываются черты, связывающие его с последующей идеологией: “гуманитет”, весь мир, как отечество, и пангерманизм примираются. Уже тогда, при всем индифферентизме к политическому единству и мощи Германии, проявляется высокое мнение о немецком народе, как квинт эссенции человечества, о его великой исторической миссии, о его провиденциальном назначении»¹⁶. Немецкий философ Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803) с увлечением говорил о немецком языке как выражении народной души, считал, что немецкая нация должна стать «воспитательницей мира». Миссия Германии – цивилизовать, быть руководительницей христианской Европы на пути к прогрессу, что делает нацию привилегированной. «Так космополитизм, – по мнению В. Бузескула, – соединяется с национальным чувством: немецкий идеал сливается с идеалом человечества»¹⁷.

Переломный момент в общественной психологии В. Бузескул видит в эпохе наполеоновских войн, считая, что «переживания, выпавшие на долю немецкого народа в начале XIX века, наступившие годы испытаний, разгром Пруссии должны были оказать и свое влияние. В дни позора, гнета и унижения Германия осознала, что как культурная нация она без политической независимости и единства не может существовать»¹⁸.

В эти годы, как подчеркивал В. Бузескул, идеалом, дорогой мечтой представителей науки современного поколения являлась политически объединенная, сильная и свободная, с конституционными учреждениями Германия. Здесь следует отметить, что большую роль в этом сыграла древняя история. Именно тогда пробуждается интерес к изучению родной старины, к изданию ее памятников: чтобы показать величие ушедших поколений, их высокий

разум и культуру. В. Бузескул упоминает «государственного деятеля и патриота Людвига Штейна, выступившего инициатором издания «*Monumenta Germaniae*», цель которого состояла в том, чтобы «оживить вкус к немецкой истории, облегчить ее основательное изучение и этим способствовать любви к общему отечеству и памяти великих предков». В апреле 1925 г. исполнилось сто лет с момента издания «*Monumenta Germaniae*». В связи с юбилеем В. Бузескул выступил с докладом в отделении историко-филологических наук Академии наук СССР¹⁹, в котором он коснулся истории возникновения издания, подчеркивая, что «Мысль об издании памятников средневековой истории Германии, об основании Общества с этой целью в начале XIX в., можно сказать, носилась в воздухе. Ее высказывали в 1805 г. Иоганн Мюллер, в 1814 – Ф.К. Савиньи, подобное издание проектировала Берлинская академия наук. В 1819 г. во Франкфуртена-Майне было основано «Общество для изучения древнейшей немецкой истории», девиз которого – «*Sanctus amor patriae dat animus*»²⁰. Общество ставило своей задачей издание источников по истории средневековой Германии.

Следует сказать, что пробуждение интереса к немецкой истории было вызвано стремлением ученых способствовать возрождению любви к отечеству и памяти великих предков. То была пора подъема патриотизма и национального сознания немцев.

Вместе со всем положительным, что рождала древняя история, дальнейшее глубокое изучение исторической литературы Германии все больше разочаровывало Владислава Петровича. Ученый встретил здесь то, против чего всегда выступал в своих трудах, – соединение «истории и политики», ведущее к крайней субъективности и тенденциозности. Как о примере перелома, наступившего в общественной психологии, ученый упоминает о И.Г. Фихте. Если в 1804–1805 гг. он еще чистый космополит и для него человечество – высший идеал, то через два года, в момент крушения Пруссии, Фихте – уже пламенный патриот. Он пишет свои «Речи к немецкому народу» (1808), проповедуя немецкий национализм и немецкое воспитание, превозносит не-

мецкую нацию как соль земли, заявляет, что только немец может спасти культуру человечества. «А когда Фихте, имея в виду Наполеона и его образ действий, говорит о приемах завоевателя и последствиях стремления к универсальной монархии, – о всепоглощающей жажде грабежа, об опустошении цветущих стран, о стремлении извлечь во что бы то ни стало лишь выгоды из общего бедствия, о приучении к варварской дикости, к систематическому, холодному и расчетливому грабежу... – писал В. Бузескул, – когда Фихте все это говорит, то кажется, будто он изображает психологию и действия современных нам германцев»²¹. Владислав Петрович в этих действиях видел одну только «животную дикость и бесстыдство».

Проявление пангерманизма ученый находил также в проектах захвата немцами придунайских стран, Балканского полуострова и вообще Востока, появившихся еще до Бисмарка и до Вильгельма II, когда Германия не была объединена и была сравнительно слабой. В политической литературе Германии упорно развивались планы германизации Востока. Посредством Австрии предполагалось германизировать славянский и мадьяро-румынский юго-восток, Болгария должна была принадлежать только немцам. Исторической необходимостью на то время считалось победоносное движение германской стихии на славянский восток. Пангерманизм четко выступал в проектах брата фельдмаршала Дитриха ф. Бюлова (1757–1807) – автора сочинения о новой системе войны «Geist des neuen Kriegssystem», – в которых, как отмечал В. Бузескул, он пытался основать новую науку – «политическую стратегию». «Уже он говорил о “базе” и “операционной линии”, перерезать которую у неприятеля – главный секрет победы, доказывал, что не должно быть иных войн, кроме наступательных, что в современной войне решающим моментом является превосходство сил и судьба будущих сражений зависит от огня орудий; численность и масса более, чем храбрость и талант, отныне обеспечивают победу, причем под массой Д. ф. Бюлов разумел не только количество людей, но и провианта, одежды, оружия, пушек. Отсюда следствие: малые государства будут поглощены большими;

великие державы некогда поделят между собой Европу»²².

Дитрих ф. Бюлов высказывал мысль, что Дания и Польша должны принадлежать Пруссии, а Южная Германия и вся долина Дуная – Австрии. Согласно этим проектам значительно расширилась территория Германии.

Единства народа и государства требовал Эрнст Мориц Арндт (1769–1860) – историк, философ, поэт и публицист. В 1803 г. он выступал за объединение Пруссии и Австрии, со временем Арндт говорит о Германии во главе с императором. Он – идеолог освободительной войны против Наполеона, хотя с узконационалистической тенденцией. Причину неудач Германии он видел «в отсутствии национального единства». В. Бузескул писал, что, «взывая к великому военному гению», Арндт выступает против космополитизма, утверждая, что нет великих людей без великого народа, нет великого народа без патриотизма. В 1812 г. Арндт издает «Краткий катехизис для немецкого солдата» со своими патриотическими песнями.

В своих произведениях Арндт говорит о стратегических границах Германии, которая «должна иметь место под солнцем», выход к морю, как великая держава, а малые государства должны исчезнуть, «ибо географически им не дано существовать».

В. Бузескул подчеркивает, что Арндт выступал против господства силы, упрекая Францию и Англию в злоупотреблении этим, но для поверженной Германии он требует величия, присоединения малых государств, дабы вернуть своей стране господствующее положение. Весь мир, по мнению философа, должен быть открыт для немецкой колонизации, особенно Восток. Владислав Петрович, используя различные выступления Арндта, писал о думах и мыслях немецкого философа и изложил все таким образом: пусть Европа вспомнит об этих странах, которые были колыбелью ее культуры; надо, чтобы европейский поток направлялся не на Запад, а в Азию и Африку, «дабы омолодить христианством и человечностью эти племена, которые вследствие грубого варварства потеряны для труда и культуры. А они населяют чудные страны – Варварийские владения, Египет, Сирию, Малую Азию и Грецию, всю окаймленную

очаровательными островами». В. Бузескул акцентирует внимание на том, что Арндт представлял себе это движение на Восток как крестовый поход, за которым следуют немцы-колонисты.

Необходимо отметить, что в 1812 г. Арндт восхвалял Россию, жил в Петербурге и свой «Катехизис» писал там. В 1813 г. он вернулся в Германию. В начале 40-х годов резко поменял свои взгляды. В. Бузескул писал, что немецкий философ на старости лет был настроен крайне враждебно к России. Не останавливаясь на его многочисленных выступлениях против русских, приведу заключительную фразу Владислава Петровича об Арндте: «В глазах Арндта немцы – избранный народ, стоящий выше других, прежде всего в интеллектуальной сфере... Учения Бабефов, С. Симонов, Фурье – это не немецкая философия, а скорее род чумы... Немец, воинственный, предприимчивый и энергичный, создан для участия в мировом господстве и прежде всего – для установления у себя сильного национального единства. Уже Арндт говорил о выродившихся романских народах»²³. Таким образом, по мнению Арндта, весь мир должен быть открыт для немецкой колонизации и господства.

Подобные идеи Бузескул находит и у Яна (1778–1850), яркого тевтониста начала XIX ст., пропагандировавшего избранность, предопределенность немцев. Он считал, что история Германии – история величайшего из населявших тогда Европу народов.

В 1809 г. Ян писал: «Если существует философия истории, если прошедшее не есть игра слепого случая, но моральным миром, как и миром физическим, правит мудрая сила по вечным и неизменным законам, то погруженная в траур Германия может утешиться: за нашей бесславной эпохой... последуют годы более блестящие. Должно придти и придет время, когда Германия будет объединена под властью могущественного императора. Ее центр, ее столица Тевтона должна находиться на Эльбе, почти на полпути между Женевой и Мемелем, между Триестом или Фиуме и Копенгагеном, между Дюнкирхеном и Сандомиром»²⁴.

Владислав Петрович упоминал известного немецкого экономиста Фридриха Ли-

ста (1789–1846), шедшего в одной упряжке с предыдущими личностями со своей идеей роли нации в экономической жизни: экономическое развитие должно опираться на политическую мощь, и Германия должна стать сильной нацией. В 1842 г. он издал брошюру о колонизации Востока, ему первому принадлежит мысль о Багдадской железной дороге. Особенно остро он отзывался о русских. Вспоминая об этом, В. Бузескул писал, передавая мысли и думы Листа о России: «Держава, соединявшая в одну нацию такую компактную массу варварских орд, – чисто военная и не опирается ни на какую прочную базу. Созданная штыком, поддерживаемая, увеличиваемая и упрочиваемая штыком, только посредством штыка она и имеет будущее в руках. Стоит ей хотя немного удалиться от этого своего жизненного принципа, и она погибнет. Лист сравнивает Россию с хищным зверем. Победа, завоевание – естественная необходимость для России, как для диких зверей охота на более слабых и незащищенных животных... Что Россия, благодаря странной игре природы, одарена человеческим разумом, это не изменяет ее зверского характера, а только делает ее еще более страшной. Ее культура – чисто фальшивая. Россия – военная колония...»²⁵

Как уже упоминалось, в 50-х – 60-х годах XIX в. в немецкой политической литературе упорно развивались планы германизации Востока. Австрии указывалась высокая миссия – «германизовать и цивилизовать славянский и мадьяро-румынский юго-восток». Болгария виделась немецкой колонией. Ссылаясь на книгу Геффтера – сочинение о мировой борьбе немцев и славян (1847), – В. Бузескул писал, что победоносное шествие и завоевательное движение германской стихии на славянский восток уже тогда представлялось как историческая необходимость. Геффтер провозглашал, что избранный Богом народ должен выполнять свое предназначение – беспрепятственно повелевать истощенным и отжившим романским юго-западом, господствовать и хозяйничать на славянском востоке.

Не исчерпав означенной темы из истории пангерманизма и немецкого *Drang nach Osten* и ограничиваясь отдельными примерами, В. Бузескул подчеркивал, что

из всего изложенного можно сделать следующее заключение: широкие и смелые планы движения на Восток создавались не только перед мировой войной, но значительно раньше, еще во времена, когда Германия сама не была объединена и не достигла своего последующего величия.

В. Бузескул еще в июле 1913 года предрекал «разные сюрпризы» от Австрии. В письме профессору В. Иконникову он писал: «Теперь особенно тяжело... в Австрии, когда можно ждать разных сюрпризов и переживать Балканские события, аналогии которым, кажется, не найти во всемирной истории! Глубокий пессимизм вызывают эти события и заставляют разочаровываться в человеке»²⁶.

Подчеркивая величайшее значение исторической истины в изучении прошлого, В. Бузескул писал: «Легко представить себе, что следовало ожидать в будущем. При свете прошлого понятны события недавно пережитого времени и настоящего. Австрийский ультиматум Сербии в 1914 г., удививший мир содержанием и формой, союз Германии с Турцией и Болгарией во время мировой войны, самый Брестский договор с его гражданами... – все это только последние звенья в длинной цепи фактов, одно из проявлений того пангерманизма и немецкого стремления на Восток, начало которому надо искать в более далеком прошлом»²⁷.

В. Бузескул обращается к трудам знаменитого немецкого профессора Леопольда Ранке, представителя историко-критического направления, методику исследований которого изучал и во многом воспринял Владислав Петрович. Но теперь, в условиях военного времени, В. Бузескула интересовала позиция Л. Ранке касательно войны, его роль в развитии идеи объединения Германии посредством силы. И в этом случае ученый выступал весьма критически, высказывая свое мнение о трудах Л. Ранке, особенно его «записках», предназначенных для Фридриха-Вильгельма IV, где автор дает свое видение политического положения Пруссии в 1848–1851 гг.²⁸

На то время рухнули надежды немецких патриотов и либералов на попытку объединить Германию мирным путем, к чему стремился франкфуртский парламент. Все это оставило глубокий след,

вследствие чего возникла идея объединения посредством силы. В замечаниях немецкого ученого В. Бузескул находил большое сочувствие военной монархии, милитаризму, силе, армии. Владислав Петрович называет Ранке «строгим монархистом и консерватором», ждавшим объединения Германии (1848) «не от парламентских дебатов», а от Пруссии, от монархии, и главное – от армии. «Он верит в миссию Пруссии, – писал В. Бузескул, – Пруссия не должна отступать пред своей задачей. Король прусский – господин положения, потому что имеет армию. Ранке доволен, что в прусском государственном строе после 1848 года хотя и содержится кое-что, напоминающее революционный исходный пункт, спасены все-таки принципы монархии и военного государства...»

«Армия прусская – это дерево из старого корня, некогда покрученное бурями и лишенное ветвей, но затем снова выросшее могучим и роскошным», – писал Ранке в своей записке²⁹.

Ницше называл Ранке «адвокатом права сильнейшего», Бисмарк видел в нем своего союзника. Книги ученого всегда привлекали его своей приверженностью «силе».

Верным учеником Ранке был Вильгельм Гизебрехт, издавший в середине 50-х годов XIX в. свой труд «История времени немецких императоров». Его внимание привлекала эпоха блеска и могущества Германии. Владислав Петрович приводит слова из главного труда Гизебрехта, где он писал, что это была эпоха, «когда воля, слово и меч немецких императоров решали судьбу запада», «когда существовала в действительности единая, великая, могущественная Германия». Далекое средневековье напоминало о себе величавыми соборами, крепкими стенами старинных городов, несмотря на поросшие мхом развалины... В этих высказываниях немецкого профессора проявлялись политические и патриотические мотивы. По определению В. Бузескула, В. Гизебрехт – это бард «Священной римской империи немецкой нации». Владислав Петрович подчеркивает: «С пафосом, высокопарным языком описываются немецкие победы; в особенности с явным удовольствием и каким-то умилением говорит Гизебрехт об истребительных войнах немцев против славян»³⁰.

Известным историком Германии 40-х – 70-х годов XIX в., большим немецким патриотом был Теодор Моммзен (1817–1903). В. Бузескул называет Моммзена пруссофилом, ярким поклонником силы. Его знаменитое произведение «Римская история» раскрывает позицию ученого касательно войны как таковой. Он – на стороне победителя и беспощаден к побежденным: «Горе побежденным!» Владислав Петрович подчеркивает, что это положение красной нитью проходит через его труды. У Моммзена действует исторический закон: политически незрелые народы поглощаются более развитыми народами. Для великого возрождения культуры требуется уничтожение племен, менее способных к ней или «менее развитых, нациями вышестоящими». Война, по Моммзену, – «великая машина, которая вырабатывает прогресс». Напомним, что великий Аристотель в древности говорил, что целью войны является мир.

В. Бузескул приводит слова Моммзена, который утверждал, что история – это страшный суд, суд над народами, и успех здесь – единственный критерий... История в своем могучем вихре безжалостно ломает и сокрушает нации, которые не имеют прочности и гибкости стали.

Историк критически воспринимал концепцию Моммзена, не допускавшего иной точки зрения, «признающей существование, пользу и целесообразность многообразия в природе, в силу которого каждый народ имеет право сохранить свой лик, свою культуру...»³¹ Владислав Петрович вновь обращается к трудам французского историка Огюстена Тьерри, представлявшего резкий контраст Моммзену. «Вводить в историю философское презрение, – замечал О. Тьерри, – ко всему, что удаляется от однообразия настоящей цивилизации, и смотреть как на единственно достойных почетного упоминания на народы, с именем которых ход событий связал идею и судьбу этой цивилизации, – это значит фальсифицировать историю»³².

Философия истории Моммзена, по определению французских историков, отлично подходила к народу, «который должен был пустить в ход одну за другой три войны», чтобы преобладать во всем мире.

Свое отношение к славянам Моммзен выразил в письме к австрийским немцам

в 1897 г.: он открыто призывал немцев не стесняться по отношению к чехам, быть жестокими к ним, ибо «чешская башка разумных доводов не принимает, но для ударов и она доступна!» «Так выражался великий Моммзен, – подчеркивает В. Бузескул, – когда дело шло о славянах»³³.

По-видимому, профессор Моммзен, как и многие другие ученые, был подвержен влиянию гегелевской философии. В своей «Философии истории» (1837 г.) Гегель считал излишним говорить о славянах по той причине, что они составляют нечто среднее между европейским и азиатским духом и потому их влияние на постоянное развитие духа «не было достаточно деятельно и важно».

Известно, что Моммзен был великим ученым, самым известным специалистом римской истории, учителем многих поколений, и не только немцев, но и славян, однако «из песни слов не выкинешь», как говорят мудрецы, а нам нужна историческая правда... История – свидетель прошлого, свет истины, живая память, учитель жизни, вестник старины, – утверждал Цицерон.

В. Бузескул обращается к трудам выдающегося ученого Эдуарда Мейера, профессора Берлинского университета, специалиста по древней истории, автора капитальной «Geschichte des Altertums». Владислава Петровича интересовала позиция Мейера касательно войны, и он написал статью под названием «Немецкий историк Эдуард Мейер о нынешней войне»³⁴. Уместно остановиться несколько подробнее на этой статье, тем более что Владислав Петрович подчеркивал: «Поучительно ознакомиться с его взглядами: они очень характерны для немецкого историка. Это – одно из ярких проявлений германской идеологии»³⁵.

В молодые годы Э. Мейер, уроженец Гамбурга, особенно увлекался Англией, как соседней страной. Прекрасно владел английским языком, одно время был домашним учителем в семье английского генерального консула в Константинополе. В. Бузескул вспоминал, что на конгрессе историков в Берлине в 1908 г. Э. Мейер говорил «немало комплиментов по адресу английских ученых». Но времена менялись... В 1915 г. Э. Мейер издал

книгу об Англии, ее государственном и политическом развитии и о войне против Германии.

В. Бузескул отмечает, что Э. Мейер был в числе тех, кто подписал знаменитое «воззвание», которое оправдывало способ ведения войны Германией. Борьба против германского милитаризма здесь называлась борьбой против немецкой культуры, ибо этот милитаризм считался лучшим «охранителем» последней.

В центре внимания статьи В. Бузескула – книга об Англии. В предисловии Э. Мейер датирует появление книги весьма характерно. Владислав Петрович приводит цитату из этого предисловия: «18 февраля 1915 г., в день открытия войны посредством подводных лодок против Англии»³⁶.

Бузескул делает глубокий вывод из одной этой фразы, которая характеризует всю германскую «милитаризованную» профессию: «Он (Э. Мейер) считает таким образом необходимым отметить этот день: он на стороне беспощадной подводной войны и ждет от нее самых благотворных последствий для Германии»³⁷.

Далее, немецкий ученый призывает народ Германии признать, что Англия – смертельный враг, с которым невозможно примирение до тех пор, пока притязание этой страны на мировое господство не будет сломлено. Э. Мейер считал, что пришло время, когда Англия «будет принуждена примириться с новой системой государства, которая даст нам необходимое место на земле...»³⁸

Мейер предвидит, что за этой войной последует целый ряд войн с Англией «до последнего окончательного решения», по мнению В. Бузескула – до получения Германией мирового господства. Он утверждает, что во всех слоях населения Германии произошло осознание всего этого, исключая лишь некоторый круг лиц из академической среды, которые не поняли, что с началом войны мировое положение переменилось. Мейер считал, что подобные лица должны «коренным образом переучиться». «Здесь поднимаются все еще голоса, – писал Мейер, – которые говорят в пользу политики примирения и уступок, против дальнейших приобретений и за возвращение на старый путь братства на-

ций; даже есть ученые, занимающие очень влиятельное положение, которые едва могут дождаться момента, когда они будут иметь возможность, растроганные, пасть в объятия коллег во вражеской стране и вызвать снова к жизни разорванные организации “интернациональной” науки»³⁹. Своей книгой Мейер стремился способствовать уничтожению подобных явлений, «побороть» эти «голоса».

Немецкий ученый приветствовал слова императора: «Мы отучились от сентиментальности». Мейер сам выступал очень резко против «нежной сентиментальности».

Далее В. Бузескул переходит к характеристике различных разделов книги об Англии, где Э. Мейер нещадно критикует английское государство и его строй. Не стесняясь в выражениях, он описывает Англию как государство «с отсталыми, отжившими формами и понятиями». «В войне между Англией и Германией, – пишет В. Бузескул, ссылаясь на книгу Мейера, – он видит, в сущности, борьбу отставшей от исторического развития и готовой к гибели формы национальной и политической жизни против далеко ушедшей вперед, этически и политически бесконечно выше стоящей, т.е. против германской государственной формы»⁴⁰. «Отсталость» Англии видится во всем: в духовной жизни, воспитании, науке, искусстве, области социального законодательства, где «господствует капитализм, эгоизм и гуманная фразеология».

В. Бузескул подчеркивает, что Мейер все же нашел в себе силы признать как бы вскользь высокий патриотизм англичан, их призыв к национальному чувству. Он не отрицал сплоченность англичан перед лицом врага.

Как и большинство немцев, Мейер утверждал, что Германия ведет войну оборонительную. «У него эта Германия изображается не с поднятым, грозящим бронированным кулаком, – писал Владислав Петрович, – а кроткою, смироною, ни в чем неповинною овечкою: в течение сорока трех лет была она лучшим оплотом и защитницей мира, была и оставалась до конца миролюбивой! Ее политику автор готов скорее упрекнуть в сентиментальности...»⁴¹

Э. Мейер утверждал, что миролюбие со стороны Германии искреннее,

распространялся о миролюбии канцлера Вильгельма II, умалчивая о знаменитой, ставшей исторической, его фразе, что трактат о нейтралитете – лишь «клочок бумаги».

В. Бузескул, описывая все, что связано с мыслями немецкого ученого о войне, оказался в затруднительном положении: он не мог окончательно сказать, «искренно ли верит Э. Мейер всему тому, что он пишет об Англии и Германии, – невольный ли это самообман, ослепление со стороны такого крупного историка, или же лицемерие?..» Владислав Петрович приходит к выводу, что книга германского ученого об Англии – «новый яркий пример того, как даже выдающийся историк, с широким кругозором, часто становится пристрастным, наивным, узким и односторонним, когда говорит о современных злободневных событиях, так волнующих душу и возбуждающих страсти...»⁴²

Э. Мейер задумывается и о времени после войны, утверждая, что мир станет иным. Вечного мира не будет, вместо него, по мнению Мейера, наступит ряд долгих кровавых войн. Германский ученый предсказывал: «Эра мирного соперничества народов, интернациональности погребена и не вернется. Усилятся национальные стремления, вооруженная борьба народов». Э. Мейер считал, что немцы проявляли мало национализма и впредь они будут иметь в виду интересы только своей нации.

В тяжком раздумье Э. Мейер смотрит на будущее духовной жизни. Война, по его признанию, принесла неизмеримые потери в культурных ценностях.

В завершение своей статьи В. Бузескул отвечает на «знаменательный для немецкого историка пессимизм»: «Кто же главный виновник таких роковых последствий, как не Германия, с ее непомерными притязаниями на мировую гегемонию, с ее милитаризмом, с ее культом силы и войны? И при виде тех мрачных перспектив, которые раскрываются пред умственным взором немецкого историка, казалось бы, естественнее и последовательнее всего с его стороны призвать соотечественников к тому, чтобы одуматься, сознать прежние заблуждения и раскаяться в них, пожалеть, что история Германии приняла та-

кое направление, разочароваться в благах милитаризма... Но Э. Мейер... защищает германский милитаризм...»

В. Бузескул упоминает прусскую историческую школу, старейшим представителем которой был Йог. Густ. Дройзен, известный автор «Истории эллинизма». В последующих его трудах ярко и определенно выражены политические воззрения Дройзена и его приверженность к Пруссии. Владислав Петрович вспоминал лекции Дройзена о «войнах за освобождение», отличавшиеся пылким патриотизмом. В. Бузескул подчеркивал, что Дройзен в своих чтениях пытался выразить любовь к отечеству и веру в него. В «Истории прусской политики», которую Дройзен писал 30 лет, основными были такие идеи: возвышение Пруссии – спасение и залог величия Германии; распространяя свое могущество, Пруссия заботилась о единстве и могуществе Германии.

Друг Дройзена Макс Дункер был среди тех немецких ученых, которые подвергли решительному пересмотру исторические сведения о лидере демократических Афин Перикле в 70-х – 80-х годах XIX в. Его «История древнего мира», открывавшая страницы далекого прошлого, написанная «с пылом политика», характеризует его как страстного патриота, борца за единство Германии. Дункер был поклонником побед и завоеваний, выше всего ценил внешнее могущество государства, преклонялся перед силой. В. Бузескул писал об этом ученом следующее: «Очевидно, на Дункере отразились плоды политики “крови и железа”, то настроение, которое с такой силою овладело немецким обществом после побед 1870 г. Вообще та идеология, черты которой проявлялись уже и раньше, теперь, после 1866 и 1890 г., пышно расцвела, в чаду и в упоении от одержанных так легко громких побед»⁴³.

Изучая труды историков Германии, В. Бузескул находил весьма колоритные личности и стремился показать их роль в развитии тех вопросов, которые неотъемлемы в формировании идеологии. Среди уже названных ученых был историк Генрих фон Трейчке, которого Владислав Петрович в своем описании назвал «странным человеком», «испытанным герольдом

величия и чести прусской империи немецкой нации». Сын саксонского генерала, уроженец Дрездена, он был потомком чехов-эмигрантов. Трейчке принадлежал к числу профессоров Берлинского университета, мечтавших об объединении и могуществе Германии. Его поэтический талант был известен в Германии, но, бросив поэзию, он стал политиком и историком, реакционером и крайним пруссофилом. По его мнению, немецкий вопрос – это вопрос не свободы, а силы. Владислав Петрович видит в политике Трейчке ту же «зоологическую» теорию истории, что и у Моммзена.

Трейчке окончательно перешел на сторону Пруссии, утверждая, что прусский образ мыслей составляет лучшее содержание его жизни. По его мнению, лучшая проба могущества – война, являющаяся высшим проявлением человеческого духа. К другим народам Трейчке относится с презрением. Человеконенавистничество у него было сильно развито.

Владислав Петрович ознакомился с 5-томным трудом Трейчке «Немецкая история в XIX стол.» (1879–1895). Это – гимн в честь Пруссии. На это произведение немцы смотрели как на свою национальную историю. Однако, справедливости ради, Владислав Петрович указывает, что были попытки протеста против подобной партийности и тенденциозности в исторической науке. Старый друг Трейчке страбургский профессор Баумгартен, автор «Истории Испании в XIX в.», выступил против прусской политики, замечая, что Трейчке пишет как партийный человек, как публицист, а не как историк.

Баумгартен заявлял, что Трейчке пренебрегает здоровыми историческими методами, перед которыми раньше все преклонялись. Своими субъективными суждениями последний резко искажал объективные факты. В. Бузескул приводит слова Баумгартена, выражающие его мнение о книге Трейчке: «Как видите, строгое *sine ira et studio* для этого историка не существует. Беспристрастная любовь к истине, тщательность спокойного исследования, справедливость в суждениях, эти первые и

существеннейшие качества каждого историка, которые не могут быть возмещены никаким блестящим стилем, никаким полетом красноречия, здесь отсутствуют в необычной мере»⁴⁴.

Однако, подчеркивает Владислав Петрович, Баумгартен не поддержали историки Германии и он остался одиноким. Большинство ученых были на стороне Трейчке. Даже «Исторический журнал» Зибеля, ставивший своей первой задачей быть представителем правильного метода исторического исследования, стал на сторону Трейчке. Таким большим разочарованием и горькими словами заканчивает В. Бузескул свой рассказ о Трейчке.

Многие историки Германии последней трети XIX в. преклонялись перед Бисмарком и его политикой «крови и железа». Примером такого преклонения В. Бузескул считал Эрика Маркса, утверждавшего, что Бисмарк – это сама немецкая нация. Однако в эти годы нашлись такие ученые, которые выступали против исторического направления Ранке и его школы.

Таким образом, по мнению В. Бузескула, в XIX в. произошел процесс превращения Германии в «большую Пруссию». Владислав Петрович имел все основания утверждать, что этому процессу активное содействие оказала немецкая историческая наука. Бисмарк не зря считал своими излюбленными книгами издания Ранке и Зибеля.

В. Бузескул приводит слова известного в свое время лорда Actona: «Прусские историки поставили историю в соприкосновение с жизнью. Они придали ей влияние, какого она не имела нигде... они успели создать общественное мнение, более могущественное, чем законы»⁴⁵.

* * *

Тяжкие годы войны закончились, и Владислав Петрович желал своим друзьям «одно только доброе, а всем нам мира, но мира прочного и достойного!» Ученый желал также разрешения тяжелых вопросов только «во благо». Шел 1917 год.

- ¹ Бузескул В.П. Открытия и научные достижения за последние годы в области Древнего Востока // Східний світ. – 1927. – С. 120.
- ² ИР ННБ НАНУ. – Ф. III. – Д. 48368. – Л. 1.
- ³ ИР ННБ НАНУ. – Ф. III. – Д. 48368. – Л. 1.
- ⁴ Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // Соч. – Т. IX. – С. 342.
- ⁵ Бузескул В.П. Из истории пангерманизма и стремлений немцев на Восток // Из далекого и близкого прошлого. Сборник этюдов из всеобщей истории в честь пятидесятилетия научной жизни Н.И. Кареева. – 1923. – С. 294.
- ⁶ ИР ННБ НАНУ. – Ф. XXIX. – Д. 1005. – Л. 1.
- ⁷ См.: Русская мысль. – 1915. – № 2. – С. 24–55.
- ⁸ См.: Из далекого и близкого прошлого. Сборник этюдов из всеобщей истории в честь пятидесятилетия научной жизни Н.И. Кареева. – 1923. – С. 286–299.
- ⁹ Бузескул В.П. Современная Германия и немецкая историческая наука XIX столетия // Русская мысль. – 1915. – № 2. – С. 5.
- ¹⁰ Бузескул В.П. Современная Германия и немецкая историческая наука XIX столетия // Русская мысль. – 1915. – № 2. – С. 24.
- ¹¹ Там же. – С. 62.
- ¹² Бузескул В.П. Современная Германия и немецкая историческая наука XIX столетия. Приложение... – С. 66.
- ¹³ Там же – С. 67.
- ¹⁴ Там же. – С. 41.
- ¹⁵ Бузескул В.П. Современная Германия и немецкая историческая наука XIX столетия. Приложение... – С. 69.
- ¹⁶ В. Бузескул. Из истории пангерманизма и стремлений немцев на Восток // Из далекого и близкого прошлого. Сборник этюдов из всеобщей истории в честь пятидесятилетия научной жизни Н.И. Кареева. – 1923. – С. 287.
- ¹⁷ Бузескул В.П. Из истории пангерманизма и стремлений немцев на Восток // Сборник... – С. 287.
- ¹⁸ Там же. – С. 286.
- ¹⁹ Бузескул В.П. Из истории Monumenta Germaniae // Доклады Академии Наук СССР. – 1925. – Отделение историко-филологическое. – Июль – декабрь. – С. 63.
- ²⁰ Бузескул В.П. Современная Германия и немецкая историческая наука XIX столетия. – С. 28.
- ²¹ Бузескул В.П. Современная Германия и немецкая историческая наука XIX столетия. – С. 27.
- ²² Бузескул В.П. Из истории пангерманизма... – С. 288.
- ²³ Бузескул В.П. Из истории пангерманизма... – С. 291.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Бузескул В.П. Из истории пангерманизма... – С. 293.
- ²⁶ ИР ННБ НАНУ. – Ф. III. – Д. 48371. – Л. 1.
- ²⁷ Бузескул В.П. Из истории пангерманизма... – С. 299.
- ²⁸ Zur Geschichte. Deutschlands und Frankreichs.
- ²⁹ Бузескул В.П. Современная Германия и немецкая историческая наука XIX столетия. – С. 29.
- ³⁰ Там же. – С. 30.
- ³¹ Бузескул В.П. Современная Германия и немецкая историческая наука... – С. 40.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. – С. 41.
- ³⁴ См.: Голос минувшего. – № 9. – 1916. – Сентябрь. – С. 199–210.
- ³⁵ См.: Голос минувшего. – № 9. – 1916. – Сентябрь. – С. 200.
- ³⁶ Бузескул В.П. Немецкий историк Эдуард Мейер о нынешней войне // Голос минувшего. – № 9. – 1916. – С. 200.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Бузескул В.П. Немецкий историк Эдуард Мейер о нынешней войне // Голос минувшего. – № 9. – 1916. – С. 201.
- ⁴⁰ Там же. – С. 202.
- ⁴¹ Бузескул В.П. Немецкий историк Эдуард Мейер... – С. 199–210.
- ⁴² Там же. – С. 208.
- ⁴³ Бузескул В.П. Современная Германия и немецкая историческая наука... – С. 47.
- ⁴⁴ Бузескул В.П. Современная Германия и немецкая историческая наука... – С. 51.
- ⁴⁵ Бузескул В.П. Современная Германия и немецкая историческая наука... – С. 55.